

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ НОРМАТИВИЗМ: ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ В ТЕОДИЦЕЕ И АНТРОПОДИЦЕЕ (статья 3)

В.В. Ильин*, **А.В. Тимофеев****, **Б.А. Хайруллин*****,
О.В. Поддубная****

*ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им.
Н.Э. Баумана», г. Москва

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева», г. Самара

***Камский филиал ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет», г. Набережные Челны

****Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный техниче-
ский университет им. Н.Э. Баумана», г. Калуга

В центре внимания авторов – деонтологические универсалии, получаю-
щие идейное оправдание в терминах теодицеи и антроподицеи.

Ключевые слова: *нормы, ценности, человеческое взаимодействие.*

Отличающееся чуткостью реагирование на изъяны теодицеи прибли-
жает к картинам, неожиданно просвечивающимся под покровом непрерывных
вариаций на темы «богоучастия». И это – полнейшее историко–культурное,
родовое алиби человека. Грёзо-фарсовые репетиции Апокалипсиса более или
менее последовательно перетекают во внезапно грозно наступающие образы
мировой истории. Оттачиваемая модель вероломных ветров собственного су-
ществования, пожалуй, олицетворяет кульминационный момент секулярного
взгляда на миротворение. Определенные прозрения относительно аутентично
выстраиваемых экспериментальных жизненных сюжетов обнаруживаются у:

– Лейбница: человек «есть маленький бог (творец – *Авт.*) в своем соб-
ственном мире, или в микрокосмосе, управляемом им на свой манер...» [6,
с. 230];

– Бёме: что ты «строишь или сеешь в духе, будь то словами, делами
или мыслями, то будет твоим вечным домом» [1, с. 258];

– В. Скотта: «В каждом человеке есть солнце. Только дайте ему светить»;

– Канта: человеческое существование «имеет в себе самом высшую
цель, которой, насколько это в его силах, он может подчинить всю природу»
[5, с. 469];

– Фейербаха: «...существо человека есть его высшее существо; хотя
религия называет высшее существо Богом и смотрит на него как на предмет-
ное существо, но поистине это есть только собственное существо человека, и
потому поворотная точка всемирной истории состоит в том, что отныне Богом
для человека должен быть уже не Бог, а человек» [12, с. 405].

Таким образом, применяя стилистику Соловьева, человечество есть
именно та высшая форма, через которую и в которой все существующее ста-
новится абсолютным.

Суть в том, что в своей естественно-исторической эволюции мир срастается в живой органике с богатейшим человеческим культурным привоем. Человек есть природа и одновременно надприрода, сверхприрода. В последней своей ипостаси человек атрибутируется как существо трансцендирующее, имперфектное, преодолевающее свои собственные пределы свершением, стремлением, самоосуществлением. Данная раскованная креативная – ургическая – стезя маркируется опорными монолитами: свобода, воля, действие.

Свобода. Конкурентное преимущество человеческой надорганики сопоставительно с дочеловеческой органикой – созидание нематериального наследия через инновационное самоопределение, творчество. Апеллируем к Фихте: «Каждое животное есть то, что оно есть; только человек изначально – ничто. Тем, чем он должен быть, он должен сделаться, и сделаться сам собой, своей свободой...» [15, с. 84]; и Сартру: человек «осужден на свободу».

Фигура «самоопределение через свободу» влечет мотивационное понимание человека, отменяет однолучевой провиденциалистский взгляд на него как предмет судьбы. Судьба есть совокупность могущего состояться с человеком и только с ним [13, с. 342]. Но именно эту самую совокупность в приверженности к свободе мы создаем сами. Человеческая свобода есть креативный выбор, а не отвлеченность, потому свобода, выбор и судьба (как предопределенность) исключают друг друга.

Порядок свободы не сниспосылается, он – создается. Создается по капитальным мотивам – целе-ценностным, смысловым индикаторам. По этой причине родовую общечеловеческую историю правильно расценивать как удаление от естественного состояния через культивацию искусственной среды обитания. История и есть придание смысла бессмысленному в прогрессивном воплощении свободы в движении от природного к культурному, от материального к моральному, от натурального к гуманитарному.

Для упреждения возможных недоразумений скажем ясно: человек – часть природы в пределах своих физико-физиологических компетенций, но перекрывает их (пределы) в свободном самоутверждении, самовозвышении в созидании потребного. Аутентичная человечность определяется символическим типом самореализации в реальности посредством не приспособления к среде через реакции, а приспособления среды к себе через акции [3, с. 253].

Преобразовательный характер человеческой самореализации имеет магистральный эффект: созидание рукотворной сферы существования – антропосферы. Уточнение измерений последней наводит на билатеральный образ

– ноосферы (техносфера, социосфера) – совокупность артефактов (итогов практико-преобразующей деятельности), выражающих оформление комплексного естественно-искусственного типа действительности в качестве структурного компонента космоса (космосферы), удостоверяемого по активистскому охвату жизненного пространства;

– гуманосферы – совокупность итогов родового самосовершенствования; подобно тому, как цветы и плоды не похожи на навоз, из которого растут, человек есть *simper idem, sed aliter*. Диверсификация человечности обуславливается беспощадным воздействием гуманитарного прогресса – тем общим высоким достоинством, полнотой умственных, нравственных сил, которые отличают *Homo sapiens (humanus)* от *Homo ferus*;

– образ, могущий расцениваться как инструмент задания направленного, поступательного развития универсума в терминах не парализующего финализма (эсхатологизма, провиденциализма), но исторической самосозидательности – опыта, которому отдается вся жизнь.

Сказанное принимает форму понятия человекоразмерной реальности, стержень которой образует воплощающее свободу историческое зодчество, становящееся родовым испытанием и одновременно родовой судьбой. Упомянутое понятие, однако, отягощено весьма значительной тревожной озабоченностью по поводу родовой перспективы человечества, актуализирующей осознание того очевидного факта, что свобода в онтологическом плане оказывается источником причинных рядов: в рамках спонтанных порождающих процессов человек соревнуется с Всевышним в сотворении мира.

Теодицея озабочивалась проблемой: как при учете всемогущности, всесовершенности Всевышнего имеет место увечность, физическое, нравственное повреждение, отсутствие полноты достоинств, изъятие из высших степеней положительности. Рациональным манером, утверждалось выше, указанная проблема не снималась: многочисленные *ad hoc* конструкции не находили нужной для кристаллизации крупницы соли, поставляющей возможность великому не обдумываться, а свершаться.

С аналогичной проблемой сталкивается антроподицея, подменяющая креативность всесильного креативностью силой (локально) ограниченного. Ведь если при наличии Бога можно действовать добровольно несправедливо, то в его отсутствие в выстраивании экспериментальных жизненных обстоятельств возможность произвола возрастает.

Бог не движим к деятельности целью, но только самим собой; человек же со своими неотработанными, часто сомнительными целями, своей заносчивостью, упорствованием, как правило, не представляет пределов условности самотворчества. Отказ от разума может соответствовать разуму. Отсутствие экспертизы целе-ценностной мотивной основы деятельности напрягает в отношении органичности, дружественности человеческих технологий, их сопряженности с собственными потоками природы, в целом с явлениями земными и космическими.

Поскольку в философской интерпретации полная свобода есть полный произвол, в долженствовании нет свободы (камень преткновения традиционной моралистики): зависит билатеральный статус антропосферы, детерминирующей конкордию разума (через рычаги индустриальных технологий – механизация, машинизация, автоматизация, комплексная автоматизация, роботизация) и человеколюбия (через рычаги гуманитарных технологий – право, мораль, нравы, традиция).

Обуздание «слепых» природных стихий на благо рода оборачивается нетривиальной задачей обуздания «слепых» родовых стихий во имя выживания и природы, и рода. Еще Лейбниц сетовал на то, что помыслы человеческие «направлены на то, чтобы сломать, а не построить» [7, с. 487]. Дело не в какой-то исходной ущербности человечности (грехопадение), не в корневом разъединении, разложении, расколе нашей сущности [14, с. 67], не в роковом разладе глубочайших таинств нашего естества (Шеллинг). Дело в том, что в разные моменты нашего утверждения мы – разные.

Идея противоречивой самости, текучей самоосновности человечности, не описываемой законом тождества, отображает многомерность ее существовательных устремлений. Человек бывает и хорошим, и плохим в зависимости от контекстов проявлений – «все в нем слито, все перемешано» (А. Песков). «Одно из самых обычных и распространенных суеверий то, что каждый человек имеет одни свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. – считает Толстой. – Люди не бывают такими. Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще энергичен, чем апатичен и наоборот; но будет неправда, если мы скажем, про одного человека, что он добрый или умный, а про другого, что он злой или глупый. А мы всегда так делим людей. И это неверно. Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то темная. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем непохож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою. У некоторых людей эти перемены бывают особенно резки» [11, с. 204–205].

Аналогично у Б. Констана («Адольф») герой настаивает: «Нет совершенного единства в человеке, и почти никогда не бывает никто ни совсем чистосердечным, ни совсем криводушным». Реальное богатство причудливой человеческой жизни не втискивается в деревянные рамки прямолинейных одномерных делений. Утверждаясь свободно, т. е. автономно, в зависимости от намерений, человек словно очерчивает тесно замкнутый, но широко раскинутый круг – круг предельных влияний собственной субъективности на реалии. Картина перманентно расширяющегося круга (в объеме – сферы) является точным изображением безусловного самодержавия человечности, в своем неумном порыве не нуждающейся ни в какой посторонней поддержке.

Непосредственное назначение, основное призвание человека – самосовершенствующаяся самореализация – «души возвышенной свобода» (Батюшков) – в качестве побудительной причины имеет волю.

Воля. Воля есть консолидирующая способность души мобилизовать ресурсы на:

- претворение помыслов, замыслов, мечтаний, целей, интересов;
- осуществление саморегуляции, самоорганизации деятельности;
- реализацию сознательных побуждений, самоличных решений;
- актуализацию мотивационно-смысловой сферы;
- формирование последовательности поведенческих актов, овеществляющих внутренние установки.

Источник активности в животном царстве – объективная логика удовлетворения витальных потребностей на базе инстинктивного трофического поведения. Источник активности в человеческом царстве – субъективная логика целе-ценностного, мотивного поведения, удовлетворяющего символические потребности. В отличие от животного человек взыскует воплощения внутренних стремлений, добивается совершенных претворений совершенного. Вегетативная жизнь локализуется задачей усовершенствования быта. Невегетативная – собственно гуманитарная – жизнь отвечает призыванию отдалиться от материального, подчинять существование обмирщению идеального.

С внешней точки зрения дело пакуется в триаду:

(а) цель: вводится образ предвосхищаемого, чаемого как объекта устремлений, осознанное жизненное намерение;

(в) средство: формируется последовательность действий, преследующих цель; принимается компетентное – рациональное – решение;

(с) результат: достигается вожделенное, оказывающееся овеществлением цели – идеальной потребности.

Векторизация поведения по указанным реперам отвечает нематериальной (вневегетативной) мотивации поведения в соответствии с символической самоактуализацией. При удовлетворении физиологических (по Маслоу – низших) потребностей открывается простор максимально полной демонстрации человеческой сущности, оказывающейся ее идеально-символическим проявлением.

С внутренней точки зрения дело укладывается в триаду

(а) ценность: эталон должного – полнота достоинств, передаваемая символом, идеалом;

(в) установка: афферентный синтез мотиваций, инспирирующий действие, сподвигающий на самоактуализацию;

(с) смысл: целе-ценностное значение идеально-символической сферы, данное в осознании.

Векторизация поведения по данным реперам усиливает нематериальную мотивацию, обязывает трактовать субъекта как сгусток не инстинктивной, но целе-ценностной основы, взаимодействующей с реалиями не по рефлексным, а символическим техникам.

С позиций топологических рассмотрений человек суть динамическая система, точки приложения сил, имманентные напряжения в которой определяются не произвольными, а именно произвольными (волевыми) реакциями, не посторонними, а именно собственными (целе-ценностными) раздражителями.

Диссонанс внешнего и внутреннего порождает сложность взаимодействия человека с миром – природой, собой, себе подобными. Причина потенциальной конфликтности – волевая оснастка деятельности, обуславливаемая ею неоднозначность, многомерность, вариабельность людской природы, отличающейся амбивалентностью, разнохарактерностью самозаявлений. Чем выше запросы, побуждения, тем возвышенной цели, ценности, тем значительней несоответствие устремлений жизненной прозе, тому, что человек от «окружающих получает, что ему дает жизнь» (А. Песков). Мир, не соответствующий идеалам, диссонирующий с чаемым, выступает для человека предорганизуемым сосредоточением воли объектом преобразований.

Действие. Сочетание понятий «свобода» и «воля» применительно к человеку уточняет представление о нем как о нерелекторно самопроявляющемся существе, демонстрирующем склонность к безграничному расширению самосовершенствующейся самореализации. Оно стимулирует также интерпретацию человека как существа мотивного – человеческая природа (вне релекторной поведенческой доминанты) удовлетворяет не средовым, а проективным – целевым – реакциям на разного рода побуждения.

Опредмечивание цели – обмирщение, материализация, объективация, реификация – осуществляется в опоре на ценность – гуманитарно значимый, наделенный символической важностью предмет.

Привязка категориальной пары «свобода – воля» к категориальной паре «цель – ценность» решает серьезную концептуальную задачу источника интенций: свобода, воля через цель, ценность самоопределяются в намерении, выборе, совпадающих в долженствовании. На этой ответственной базе выстраивается смысловая почва свершения: деятельностный смысл привносится не извне – он обслуживает потребности, запросы, интересы человеческой практики. Отпадает необходимость в учении о судьбе – этой алогичной, жизненной преданности, принудительности, предопределенности мировых линий. Человек – автор собственного существования, аутентичный, самодетерминируемый творец собственной участи. В его руках – его доля.

Перефразируя Ницше, правильно утверждать: человек – самообещающее животное, воплощающее свои обязательства в конкретных вещественных образах. Мост от понятий, идей к последним наводит целеполагание, выступающее локомоцией созидания. По Платону, «если демиург любой вещи взирает на неизменное сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и потенции данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным» [8]. В мире эйдосов, чистых идей, потенций – быть может. Однако, как демонстрирует опыт, переход возможности в действительность в актуализации неоспоримой положительностью не отличается. Сказываются стандартные изъяны актуализации – нарушение простоты, утонченности вкусов ее агентов, отсутствие пределов условности в творчестве, заносчивость, упорство в заблуждении, эффекты беспечного воображения, – словом: поскольку актуализация – функция не только мышления, но и материала, способа жизни, одно-однозначного соответствия эйдетических возможностей проектируемым на их основе овеществлениям в действительности не достигается.

Полифункциональность перехода возможностей в действительность при фактическом произведении, творении реальности на фоне возникающих многочисленных диссонансов, диспропорций обязывает отказываться от величайшей и вопиющей беззаботности, будто «все разумное уже есть» (Гегель), будто взыскуемое земное благоденствие получается фуксом.

Считаться с природой изучаемых явлений позволяет перевод рефлексии из теоретической плоскости «что есть» в практическую плоскость «как достигается то, что должно быть» или – в более пространной редакции – чего хотеть, что делать, из-за чего жить [10, с. 93].

Так ярко, выпукло проступает проблема установления логики ургии – логики материализации (актуализации) идей в действии.

Обретение полноценного, гармоничного, свободного существования производится действием, оказывающимся прямым продолжением выбора, востребующего поведенческого самоопределения в овеществлении эйдетической сферы. Структура действия обозначается трехместной цитаделью понятий:

- (а) преддействие – обозрение побудительных причин, поводов к действию, выстраивание мотивных, технологических карт действия;
- (в) собственно действие – технология – способ порождения планируемых продуктов;
- (с) последствие – обсчет импликаций порождающих процессов с верстанием многопрофильного баланса прихода и расхода, поступлений и проторей, актива и пассива, осмыслением облиго.

Роль (а) – конституирующая роль когний, концептов (идеально-символический комплекс) в провоцирующей деятельности проективной инициации.

Роль (в) – вещественное удостоверение возможностей через творчество, трансляция понятий (символов, идеалов) в действительность через создание их предметных коррелятов.

Роль (с) – рефлексивная редактура и корректура вдохновенных порывов мечты с целью ее обновительного инвестирования.

Незыблемая основа философии человека, общества, истории (*philosophia perennis*) – апелляция к целе-ценностным ритмокаскадам в планировании, развертывании, переосмыслении актов, фигур родовой деятельности. Корневой порок ориентированной на теодицею антропо-, социо-, историсофии, как отмечалось выше, – использование несущего непомерную идейную нагрузку понятия «финализация». С позиций высказываемого открытие поля пустых химер прекращается заменой телеологической финализации целе-ценностной фундаментализацией. Плодоносный мыслительный момент последней состоит в элиминации «конца», «плана», «замысла» истории (общества, человечества) представлением родовой идентичности – гуманитарной самосоотнесенности, а именно: в единстве со своим естественным самоутверждением человечество самоорганизуется аретологически – добротнo – дельно – добродетельно.

Без всякого предопределения покорно, как полагал Платон, добродетели мы не следуем [9]. Все праведники (по Августину) наделены элементом греха, все грешники – малой толикой добра. В своем совокупном родовом росте мы пользуемся общими плодами цивилизации, позволяющими *finis ultimus* трансформировать в *fit fabricando faber*. Речь идет об универсализации позитива ургии.

Движение в данном сюжете требует занять еще более ясную позицию относительно теодицеи.

Креатология теодицеи исчерпывается схемой антропной самоорганизации; проблематика мирового зла (можно ли действовать добровольно и неправедно под сенью благого Всевышнего) исчерпывается схемой вероломных ветров истории: экспериментальное родовое самоутверждение априори не совершенно, в силу многомерности сапиента дефект помысла и свершения может быть губительным, искание многотрудным, обретение неочевидным (извивы мира, говорилось выше, от многозначительности гуманитарной материи, не подчиняющейся закону ортогенеза); и тем не менее на длительных исторических интервалах кристаллизуются правила, начала, принципы разумного созидания мира и способов оптимального, эффективного управления им.

Логика ургии суть логика достижительного, результативного, гарантийного созидания. Реконструкцией ее фигур занимались все нетривиальные доктрины человеческого в человеке, в первую очередь тектология, проксемика, праксиология, теория социального, рационального действия; понимающая социология, десижонизм, глубинная, вершинная, гормическая психология.

Пафос их – подчеркивание целесообразного, целеустремительного, целеоснащенного статуса человеческой деятельности, добывающейся не приспособления к среде, а приспособления среды. На данном основании ликвидируется угол зрения теодицеи: цель истолковывается в терминах не внешнего, но сугубо внутреннего инспиратора, наделяемого креативной миссией.

(В скобках заметим: смена пресуппозиций разрушает целесообразно антропософский взгляд на вещи. Достаточно принять идеологию

– волюнтаризма: мир – дериват господствования слепой воли (Шопенгауэр);

– иррационализма: движущая сила истории – воля к власти, культ силы (Ницше);

– субъективизма: родовая история аномична; развитие общества – плод тщаний героев, пророков, вождей (Михайловский, Лавров, Карлейль);

– сервиллизма: «Рабом родится человек, рабом в могилу ляжет» (Батюшков);

– абсентеизма: Всюду встречи безотрадные!

Ищешь, суетный, людей,

А встречаешь трупы хладные

Иль бессмысленных детей.

(Рылеев)

– метафизику квиетизма, охлаждения к жизни,

как благодатная стезя антропной целесообразности, оказывающейся паушальным эффектом подчинения человеческого процесса сознательным внутренним целям, разлаживается).

Релевантную предмету анализа чрезвычайно полезную идею подает Кант: «... без людей все творение было бы пустыней, существующей напрасно и без конечной цели» [5, с. 285]. Безотносительно к аутентичному контексту Кантову идею перспективно истолковать с позиций активации человечности: человек генерирует и реифицирует автономные цели. Как утверждает Шелер, сосредоточение самосознания, способность опредмечивания образуют «одну единственную неразрывную структуру, которая как таковая свойственна лишь человеку» [13, с. 342].

На этом основании открывается магистраль сопряжения естественного и искусственного, мира природы и мира культуры. В обмирщении целей, создании целемерной рукотворной реальности история становится воплощением своды, свобода оказывается судьбой. Сферы неорганики, органики, надорганики делаются одной сферой – сферой порождающего устройства и порождения.

В погружении в данную деликатную тему воспользуемся емкими соображениями

– Соловьева: «То, что теперь есть, прежде только должно было быть, действительное было лишь желанным» [10, с. 94];

– Кафки: «Будьте внимательны к своим мыслям, они – начало поступков»;

– Уайтхеда: мировой процесс есть переход «вечных объектов» из идеального мира в физический.

На фоне сказанного, конечно, блекнут архаичные трактовки «порождения» в кругу теософских – доктрины трансцендентного опыта, пробивающегося к креативной силе Всевышнего, и теургических (халдеи, персы) – доктрины мистического опыта, выводящего на контакты со сверхъестественным, – построений.

Заслуживают полного внимания основополагающие аристотелевские дистрикции. Стагирит относил к подлинно человеческому *poys praktikos* – ра-

зумное созидание, в котором различал «делание», – рациональное продуцирование вещей и «действие» – акт этического выбора. Аристотель, следовательно, разводил *poicō* и *pratto*. В пределах «делания» он специфицировал *praxis* – деятельность, имеющую цель в себе (опирающуюся на самодостаточную целевую основу), и *poiesis* (мимесис) – искусство воспроизводительного подражания в созидании не вещных, но художественных предметов (жанровое захватывание характера). Разумеется, наш интерес поглощается рациональным продуцированием вещей в разряде *praxis*. Еще точнее – в разряде *proairesis*, т. е. действий, которые можно совершить на базе рационального выбора.

Дух не действует, он стимулирует действие. В нем скапливаются понятия качества желательности, выражающие то, что «бытием» не обладает. (Скажем: «благо» – чистое качество желательности; «добро» – предмет собственного бесконечного стремления). Понятия качества желательности требуют деятельности. Как морфологически устойчивое, но идейно имперфектное самопрогрессирующее, самосовершенствующееся существо, иницирующееся эйдетической сферой, человек превосходит действительность воплощением проектируемого возможного. Человек – часть природы (действительного) в пределах позитивной натуралистичности, но перекрывает их в технологическом самоутверждении по проектам.

Избегая метафоры, выскажем: в согласии со свободой и волей, человек живет сообразно высоте, глубине символических идеалов и отточенности их технологических претворений. Онтологически развертывание символосферы детерминирует развертывание техносферы. В силу синкретичности преобразовательного порыва, где духовное, практически-духовное и собственно практическое выступают равнодостоинными источниками причинных рядов, развертывается ноосфера и – шире – антропосфера, обслуживающие растущие родовые потребности. Вторая искусственная природа – сфера специализированных утилитарных порождений, мир сконструированных нарочитых существей, представляющая подобие подлинной реальности артефактов и артефактов.

Свобода дает символический план; воля прорабатывает его до утрирования интереса, напряжения усилия; действие удостоверяет его в производстве вещественных значимостей. Отработанные технологии оседают в традиции, которая есть подражание и повторение, и далее – в культуре, представляющей поведенческий анамнезис. Внушение со стороны идеального прошлого питает материальное будущее.

Так реализуется символический проективный максимализм человека, его «открытость миру»; утверждается креативный антропоцентризм – практика программирующего исторического родового зодчества, где «есть» формируется через «должно», «действительное» через «возможное», «наличное» через «чаемое», «существующее» через «желанное», «фактическое» через «символическое».

Картина – маслом.

И все-таки есть что-то настораживающее в намеченной пасторали. Не удастся в полной мере избавиться от разъедающего аргумента Беме о человеке как «горделивой», «поврежденной» (не уточняем – кем, чем, как) инстанции.

На поверхности лежащий ход, снимающий затруднение, – мечтательная декларация «все целесообразно (прекрасно) в нашем лучшем из возможных миров». На таком презумптивном фундаменте выстраиваются все социально-

политические утопии от «Государства Солнца» до «Города Солнца», от «Манифеста коммунистической партии» до «Программы построения коммунизма КПСС». Не входя в обсуждение предмета, воспользуемся обобщенной формулой Соловьева: цель человеческого существования – «образование всецелой общечеловеческой организации в форме цельного творчества, или свободной теургии, цельного знания, или свободной теософии, и цельного общества, или свободной теократии» [10, с. 177]. В зависимости от направления чувств, настроения формула вызывает либо недоумение, либо снисходительную улыбку.

Более витиеватую партию проигрывают сторонники предустановленного параллелизма. Руководствуясь респонсивным понятием: «порядок и связь представлений суть такие же, как порядок и связь вещей» (замечательная теорема 7 II части «Этики» Спинозы), вводится пресуппозиция отвечающего полноте бытия «добра» (разобранная выше *ab hoc* гипотеза, по которой не было бы увечности, не было бы бытия как такового – «страдания», «несчастья», «грехи» оттеняют полноту сотворенного богом «всевозможного»). На персональном уровне пестуется спасительная иллюзия: бог совершенен, любить никого не может; человек несовершенен, любя бога, смыкается с совершенным.

Стандартная генеалогическая вариация эксплуатирует живительную силу естественного отбора, устанавливает конкордию доброкачественных целей отвлеченным от них не менее доброкачественных ценностей: отработка поведенческой мотивационно-волевой канвы санируется выверяющими устоями практического гуманизма [2; 3]. Представление транспарентности «целей – ценностей» при опосредовании развивающейся гуманитарной традицией, культурным ростом в общем адекватно как некое принципиальное представление некоего принципиального решения. Но требует детализации ввиду обременения многочисленными осложнениями.

Главное состоит в реальной трансгрессии целей нормирующей силе ценностей. На локальном уровне обнаруживается парциальная нормативная абстиненция (аболиция): предумышленное выведение целей из-под юрисдикции ценностей. На глобальном уровне обнаруживается тотальная нормативная абстиненция (агнозия): цели, ценности удостоверяют рациональность, совершенность отдельных действий (актов, шагов), но не удостоверяют рациональность, совершенность деятельности в целом. Перспективное представление транспарентности «целей – ценностей», следовательно, требует уточнения в кругу подтверждения эвристики частной и общей деонтологии (нормологии).

Список литературы

1. Беме Я. Аура или утренняя заря в восхождении. М.: Мусарет, 1914. 431 с.
2. Ильин В.В. Аксиология. М.: Издательство Московского университета, 2005. 216 с.
3. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 384 с.
4. Ильин В.В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. 204 с.
5. Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. 564 с.

6. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла. М.: Либроком, 2011. 560 с.
7. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. 734 с.
8. Платон. Тимей 28 а.
9. Платон. Законы 718 г.
10. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 738 с.
11. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 10. 543 с.
12. Фейербах Л. Избр. филос. произв. М.: Государственное издание политической литературы, 1955. Т. II. 544 с.
13. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
14. Fichte J.G. Anweisung zum seligen Leben. Berlin, 1912.
15. Fichte J.G. Werke. Bd. I–XI. Berlin, 1971. Bd. II.

DEONTOLOGICAL NORMATIVISM: THE PROBLEM OF JUSTIFICATION IN THE THEODICY AND ANTHROPODICY.

Part 3

V.V. Ilyin*, A.V. Timofeev**, B.A. Khairullin***, E.V. Poddubnaya****

*MGTU named after N.E. Bauman, Moscow

**Samara State Air-cosmic University named after S.P. Korolev

***KF of VFSU, Naberezhnye Chelnye

****Kaluga Branch of MGTU named after N.E. Bauman, Kaluga

The authors focus on the deontological universals, their justification in the format of theodicy and anthropodicy.

Keywords: *norms, values, human communication.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

ХАЙРУЛЛИН Булат Аскарлович – к.э.н., доц. кафедры экономики предприятий и организаций Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Набережные Челны. E-mail: bulat.hajrullin@mail.ru

ПОДДУБНАЯ Екатерина Викторовна – ст. преподаватель кафедры истории Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва. E-mail: poddubnaya@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof. of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – Ph.D. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara State air-cosmic university named after S.P. Korolev. E-mail: timofeev av@list.ru.

KHAIRULLIN Bulat Askarovich – Ph.D.(Economics), Assoc. Prof., Dept. of economics and organization of industry enterprizes, Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: bulat.hajrullin@mail.ru

PODDUBNAYA Ekaterina Victorovna – Senior lecturer of the Dept. of History, Kaluga Branch of MGTU named after N.E. Bauman, Kaluga. E-mail: poddubnayae@mail.ru